

**Дипломатические сношения
России и Франции по
донесениям послов
Императоров Александра и
Наполеона. 1808-1812**

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д46

Д46 Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона. 1808-1812: Том 6 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 534 с.

ISBN 978-5-518-03995-7

ISBN 978-5-518-03995-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Арманъ-Луи де Коленкуръ,
1772 — 1827.
Съ оригинала Жерара.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ VI томѣ помѣщены «Nouvelles et On Dit» Коленкура, какъ дополненіе къ его «Rapports et Lettres», и включены донесенія генерала Лористона, преемника Коленкура въ званіи французскаго посла при Русскомъ дворѣ до окончательнаго разрыва въ 1812 году.

Обращаясь къ «Nouvelles et On Dit», т.-е. къ «извѣстіямъ и слухамъ», которые Коленкуръ сообщалъ своему правительству, замѣтимъ, что такая форма сообщеній прекрасно дополняла донесенія посла. Почти въ ежедневныхъ замѣткахъ Коленкуръ мѣтко характеризовалъ не только отдѣльныя личности, но и игриво освѣщалъ всякія злобы дня, касающіяся не только Петербургской жизни и извѣстій изъ Россіи, но и всѣхъ тѣхъ слуховъ, которые проникали изъ Европы о дѣйствіяхъ французовъ и намѣреніяхъ Императора Наполеона. Передъ нами протекаютъ въ «On Dit» всѣ событія періода съ 1808 по 1811 годъ, и чтеніе этихъ документовъ не только характерно, но и поучительно для изслѣдователей этой эпохи.

Мы печатаемъ въ этомъ томѣ 66 «Op Dit» отъ 13 января 1808 г. до 8 мая 1811 г., т.-е. за весь періодъ пребыванія герцога Виченцскаго посломъ въ Петербургѣ, и прилагаемъ его портретъ съ оригинала Жерара.

Переходя къ донесеніямъ генерала Лористона, читатель сразу замѣчаетъ перемѣну слога и пера. Новый посоль, не будучи дипломатомъ, что онъ неоднократно и самъ старается подчеркнуть въ своихъ письмахъ, попалъ въ совершенно новый для него омутъ Петербургской жизни, и въ такой моментъ, когда разрывъ съ Франціей уже былъ предрѣшенъ въ умѣ Императора Александра. Не зная замысловъ Русскаго Государя, генераль Лористонъ долженъ былъ всѣми силами оттянуть разрывъ между союзными державами, и его донесенія, особенно въ началѣ его пребыванія въ Петербургѣ, носятъ какой-то характеръ оптимизма, вовсе не подходящаго къ дѣйствительности.

Конечно, Александръ повторилъ съ нимъ тѣ же обворожительные приемы, столь свойственные тонко изученной методѣ приближать сердца къ его чарующей личности.

Генераль Лористонъ, вѣроятно, уже предупрежденный своимъ предшественникомъ, все-таки замѣтно поддался обаянію и искренности заявленій Русскаго Монарха. Иногда, въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ, генераль наивно завѣряетъ Наполеона, что онъ убѣжденъ, что Россія и Александръ вовсе не намѣрены вести войны, и что съ этой стороны нечего опасаться разрыва, это не мѣшаетъ Лористону параллельно доносить, что въ Россіи дѣлаются большія военныя приготовленія,

передвигаются и стягиваются войска въ различныхъ мѣстностяхъ; словомъ, Лористонъ будто не замѣчаетъ противорѣчій въ своихъ докладахъ и благодушно повторяетъ, что онъ, молъ, военный, а не дипломатъ.

«Je persiste dans mon opinion», говоритъ посоль въ донесеніи отъ 29 мая 1811 г., «que l'Empereur ne veut pas la guerre et ne la fera qu'en cas d'attaque». Изъ Парижа чуть ли не съ каждымъ курьеромъ сыплется упреки отъ Наполеона и герцога Бассано (министра иностранныхъ дѣлъ) на слишкомъ довѣрчиваго посла. Лористонъ, въ свою очередь, жалуется на трудность своего положенія, на свою неопытность, но, несмотря на «les reproches que je reçois par chaque courrier», продолжаетъ увѣрять въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи и Александра. Вскорѣ послѣдовалъ въ Парижѣ продолжительный разговоръ Императора Наполеона съ княземъ Куракинымъ, происходившій передъ всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, весьма продолжительный и бурный разговоръ, напомнившій другой, ему подобный, который произошелъ при тѣхъ же условіяхъ съ княземъ Меттернихомъ передъ разрывомъ съ Австріей въ 1809 году. Лористонъ узналъ подробности этого событія изъ устъ Александра, получивъ извѣщеніе отъ министра, лишь двѣ недѣли спустя. Понятно, онъ горько жалуется на такое отношеніе къ нему, прибавляя, что на русскаго Государя этотъ разговоръ произвелъ самое удручающее впечатлѣніе, особенно въ виду его гласности и сходства съ инцидентомъ 1809 года.

Для посторонняго наблюдателя получается своеобразная картина. Война рѣшена безповоротно обоими

союзниками, но оба Монарха одинаково недовѣрчиво относятся къ своимъ представителямъ: Лористона, который завѣряетъ о миролюбіи Александра, бранять нещадно; князя Куракина, который, наоборотъ, предупреждаетъ о неминуемости разрыва, совершенно игнорируютъ. А между тѣмъ ведется нескончаемая переписка, гдѣ вести переговоры, въ Парижѣ или Петербургѣ, о дѣлахъ Польскихъ и герцогствѣ Ольденбургскомъ, вопросахъ, которые едва ли еще интересуютъ обѣ спорящія стороны въ виду очевидной близости грандіознѣйшей войны. Весь характеръ донесеній Лористона носитъ отпечатокъ нервности, вслѣдствіе обостренныхъ отношеній, а также и неопытности генерала, неожиданно для себя вступившаго на дипломатическое поприще. Насколько письма Коленкура были обстоятельны и обдуманы, настолько донесенія Лористона передаютъ лишь собственныя впечатлѣнія, лишеныя всякой прозорливости.

Въ настоящемъ томѣ напечатано 124 донесенія Лористона съ 12 мая 1811 г. по 28 іюня 1812 года и приложенъ его портретъ.

Н. М.

ИЗВѢСТІЯ И СЛУХИ ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА

съ 13 января 1808 г. по 8 мая 1811 г.

1.

13 Janvier 1808.

Madame Narychkine est accouchée à neuf mois et cinq jours, si on date du jour du départ de l'empereur: on prétend que ce retard a mis de la brouille dans le ménage, qu'on attribue la paternité à un neveu nommé Léon; il est cependant toujours officier dans les hussards de la Garde à St-Petersbourg.

Il y a eu une nombreuse promotion de généraux, mais on ne parle que du comte Paul Stroganoff, successivement président du college de médecine, adjoint au ministre de l'intérieur, courrier en Angleterre, officier de cosaques, sénateur, commandeur de l'ordre de Saint-Georges pour avoir pillé les équipages du maréchal Ney et rapporté à Pétersbourg l'habit qui était dans son fourgon, maintenant général major.

On ne parle que d'uniformes, on ne rêve qu'aux habits qu'on aura à la revue de la fête des Rois, tout à la française, broderies aux généraux, épauettes aux officiers, baudriers aux soldats au lieu de ceinturons, musique à la française, marches françaises, exercices français.

Les lettres particulières de la légation russe arrivées par le courrier de M. de Tolstoï, qui a apporté les nombreuses nouvelles de l'Angleterre sur la déclaration de l'Autriche, ont ressuscité tous les bruits de mariage de l'empereur Napoléon avec la grande-duchesse Catherine. On en parle dans tous les cercles, en ajoutant qu'on n'est que l'écho de ceux de Paris. Les lettres de Vienne et d'Allemagne disent la même chose.

On assure aussi que l'empereur Napoléon est à Bordeaux et qu'il se rend en Espagne.

Ces on dit sont à la Cour comme à la ville.

La haute société s'égaie aux dépens de Mme Tolstoï, femme de l'ambassadeur; on veut, dit-on, rire d'avance de ses prétendus ridicules: grande, maigre, peu d'usage du monde, sans maintien, sans esprit, mais dominant cependant son mari, c'est ainsi qu'on la peint. Il lui reste huit enfants, dont quatre l'accompagnent.

On affirme dans les sociétés que le roi de Saxe devient roi de Pologne, ou plutôt du duché de Varsovie, que partie de la Saxe est donnée à Saxe-Weimar érigé en royaume, et Saxe-Weimar au roi de Westphalie, qui cède même quantité de territoire au grand-duc de Berg, qui devient roi et généralissime de la Confédération du Rhin.

On fait le sénateur Lucien roi du Portugal; il y a quinze jours, c'était roi du Latium.

Le colonel Czernicheff, porteur des dépêches du 29 à M. de Tolstoï, est un des officiers qui a été dans toutes les circonstances le plus prévenant et le plus poli pour tout ce qui est français. Il appartient à une des familles les plus considérables du pays, et est traité avec distinction par l'empereur.

La jeune Mme de Vlodeck est regardée comme la dernière conquête de l'empereur; on prétend que l'heure du berger a sonné après le dernier bal de la Cour.

Les bruits de divorce de Paris se répètent plus que jamais ici: on voulait, il y a quelque temps, que l'impératrice eût été, le 30 décembre, au Sénat pour le demander. Maintenant que les journaux ont ôté tout crédit à cette ridicule démarche, qu'on donnait comme positive et dont on citait même les détails, tels que l'impératrice était vêtue de noir, qu'elle avait déposé sur le trône qui est dans la salle du Sénat la couronne qu'elle portait en s'y rendant, que de là elle était partie pour La Malmaison, où elle devait rester jusqu'à ce que ses équipages fussent prêts pour se rendre à Parme, maintenant, dis-je, on lui ferait attendre le retour de l'empereur. On fait même parler l'em-